

НАША СТРАНА

Год издания—51-й. Буэнос Айрес, суббота 30 октября 1999

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 30 de octubre de 1999 N° 2567-2568

СЕРГЕЙ ВОЛКОВ (Москва)

ПРЕДВЫБОРНЫЙ ПАСЬЯНС

С окончательным списком участвующих в выборах партий и блоков не все еще ясно (кому-то откажут в регистрации, кто-то не соберет подписей), но расклад основных сил ясен: КПРФ, "Отечество", "Яблоко", "правый блок", ЛДПР — налицо явное сокращение числа реальных претендентов. Наиболее впечатляюще выглядит примаковско-лужковский блок "Отечество" — "Вся Россия". КПРФ идет фактически в одиночестве, что само по себе ее возможности никак не уменьшает: более мелкие компартии имеют мало шансов преодолеть барьер. Возможности коммунистов уменьшаются лишь пропорционально увеличению шансов "Отечества".

Явлинский объединился со Степашиным, на что возлагают большие надежды, но, скорее всего, напрасно. Сам факт присоединения "силовики" Степашина к крайне антинациональному и антигосударственному "Яблоку" не должен особенно удивлять, если вспомнить, что он достаточно с Явлинским схож — с одной стороны, выдвинулся как демократ, с другой — достаточно розовый, да и отнюдь не "ястреб": в Чечне решительностью не отличался, а еще несколько месяцев назад покровительствовал ваххабитам в Дагестане, призывая "оставить в покое этих нормальных крестьян". Теперь он пытается придать "Яблоку" "державность" и шокирует явлинцев соответствующими заявлениями (да и самого Явлинского одно время к тому же подвигнул), но ничего они особенно не обманут. "Яблоку" опросы всегда дают гораздо больше сторонников, чем потом оказывается при выборах (Жириновскому — наоборот) — это потому, что едва ли не единственная цель "опросов" — сформировать соответствующую обстановку (люди любят голосовать за возможного победителя).

Кремль не раз пытался противопоставить "Отечеству" так называемые губернаторские блоки, но всякий раз это не удавалось. Один из таких — "Вся Россия" вошел в коалицию с Лужковым, другой — "Голос России" — разбежался (частью тоже примкнув к "Отечеству"), третий, который сколачивал лично Березовский вокруг своего теперешнего протеже Лебеда, — вообще не собрался. Теперь в пожарном

порядке формируется четвертый, во главе с министром по чрезвычайным ситуациям Шойгу. Но это дело столь же бесперспективное: если часть губернаторов, не желающих по разным причинам ссориться с Кремлем, и удалось туда формально загнать, это не значит, что они будут что-то делать для победы блока, тем более, что их влияние на поведение электората своих областей минимально (послушно голосуют только в чисто "коммунистических" областях да в некоторых национальных республиках, но лидеры последних как раз входят в "Отечество"). Черномырдинское НДР, надо думать, постигнет невеселая участь. Статус "партия власти" оно давно утратило, а по "демократичности" (хотя и в Буденновске, и в Косове Черномырдин сделал для интересов "мирового сообщества" больше чем кто-либо другой) явлинцев ему все равно не переплунуть.

Лебедь, чья популярность, как и следовало ожидать, катастрофически снизилась, решил не позориться, и его Народно-республиканская партия в выборах участия, как обещано, не примет. Преодолеть пятипроцентный барьер, у нее, впрочем, шансы были, но оказаться на 6-7-м месте Лебедь не пожелал. Теперь все его надежды связаны с возможным "призванием" (в качестве спасителя страны) в премьеры или вице-премьеры благодаря интригам Березовского. Пока, правда, последнему не удалось убедить Ельцина ("Семью", возможно, и удалось), что Лебедь для этого самая подходящая фигура. Жириновский, скорее всего, потеряет часть голосов, может, быть, даже до половины, но барьер почти наверняка пройдет.

Шансы на это есть и у "правого блока" (который, конечно, никакой не правый), но из-за чеченских событий (при дальнейшем развитии которых "правые", скорее всего, не смогут "наступать на горло собственной песне" и устроят какой-нибудь демарш на тему "свободу Чечне!") он может и провалиться. Единственный лидер патриотического оттенка (Б. Федоров) от них ушел, а "лучший друг чеченского народа", дудаевский орденосец С. Ковалев — на первых ролях, отчего облик блока как партии национальных предателей очерчивается вполне отчетли-

во. Но большинство лиц соответствующих убеждений будет голосовать за "Яблоко", и "правым" может нехватить.

Что касается фаворита — примаковско-лужковского блока, то в его характере и в обстоятельствах его формирования, увы, явственно просматриваются черты наиболее вероятной будущей власти в "РФ". Первоначально лужковское "Отечество" обещало быть наиболее предпочтительным из всех реально возможных вариантов "партии власти". Его власть сохраняла бы, конечно, некоторую розоватость (без малейшей, впрочем, вероятности реставрации полномасштабной советчины), но была бы вполне патриотичной, а главное давало бы стопроцентную гарантию против реванша коммунистов. При рождении оно предпочитало подчеркивать, что оно не "левый центр", а просто "центр", а объективно было правее такового.

Но резкая враждебность ельцинского окружения с одной стороны и активная обработка Лужкова наиболее левой частью его собственного окружения (вице-мэр Шанцев — просто матерый коммунист) с другой (не говоря уже об интригах сил, выдвинувших и раздувавших Примакова) привели к тому, что Лужков не только вступил в союз со "Всей Россией" (наполовину густо розовой, наполовину состоящей из завязых сепаратистов — глав Ингушетии, Татарии и Башкирии), но и пригласил Примакова на верховное возглавление блока, а затем и отказался в его пользу от борьбы за президентство. Но получившийся блок разительно отличается от первоначального "Отечества". Он провозглашает себя не "просто" центром, а "левым центром", а на самом деле — еще левее.

В результате оказалась угроблена не только идея экономически достаточно либеральной, но сильной и патриотической власти (перспектива которой так пугала года полтора назад борцов с "российским империализмом", сквозь зубы признававших привлекательность таковой для молодежи и широкого круга образованных людей), но в качестве наиболее вероятного президента выдвинулся человек не только стопроцентно советский, но и удобный для тех сил Запада, которые содер-

жат явлинцев.

Та охота на Примакова, которая развернулась летом (кто только не стремился заполучить его в вожжи) достаточно характеризует как степень советизированности политической элиты, так и то, насколько идеально он воплощает брежневскую эпоху. Но он не только "Брежнев сегодня". Это еще и представитель известного проамериканского клана (возглавлявшегося Г. А. Арбатовым, директором института США и Канады и советником генсеков КПСС, особенно Андропова), который сыграл решающую идеологическую роль при Горбачеве (к нему принадлежит большинство руководителей СМИ, обеспечивших расчленение страны, в частности Е. Яковлев, ныне главный редактор "Общей Газеты" — флагмана борьбы с "российским империализмом"). Идеология клана — довольно левая (в духе "социализма с человеческим лицом" и "уничтоженного Сталиным истинного ленинизма") и базируется на ненависти к исторической России. Воплощением ее в современной политической жизни стала партия Явлинского (ее "серый кардинал" — Арбатов-младший).

Это обстоятельство объясняет многие "странности". Как помним, именно антигосударственный Явлинский выдвинул кандидатуру "государственника" Примакова в премьеры, и именно самое демократическое НТВ (чьим кумиром всегда был Явлинский) раздувало рейтинг возглавлявшего "красное" правительство Примакова. Таким образом, Примаков "свой" и для коммунистов, и для явлинцев, да еще в глазах народа имеет репутацию "патриота-государственника" как человек "старой советской закалки". Идеальная фигура для того, чтобы под прикрытием патриотического имиджа проводить вполне устраивающую Запада политику.

Сейчас Лужков пользуется полной поддержкой НТВ в борьбе с Кремлем и Березовским, но получил он ее только тогда, когда согласился уйти на второй план и сделать свое "Отечество" подножкой к президентскому трону для Примакова. Насколько верно поступил московский мэр? По всей видимости — не очень. Без Пимакова и с имиджем право-

центристской партии “Отечество” и так получило бы не менее 15%. С Примаковым и красно-сепаратистской “Всей Россией” оно надеется получить за счет коммунистов 20-25% (еще не известно, получит ли). Но не больше же половины, так что в лучшем случае окажется в том же положении в Думе, что ныне коммунисты. Но если в первом случае это была бы сплоченная фракция, голосо-

вавшая строго по-лужковски, то во втором и фракции-то единой не будет, потому что очевидно, что между “централизатором” Лужковым и национал-сепаратистами ничего общего быть не может, а аграрии уже сейчас не скрывают, что сразу после выборов создадут свою фракцию и будут координировать свои действия с Зюгановым. В итоге чистых лужковцев в Думе бу-

дет даже меньше, чем было бы при самостоятельном списке “Отечества”. Так что цена нескольких процентов может оказаться непомерно велика. Во всяком случае, отказ от занятия весьма перспективной ниши либерально-консервативной “отеческой” партии и поставленная под сомнение репутация Лужкова как “собираателя земель” (один его союзничек — татарский президент

— с началом боев с чеченцами запретил у себя призыв в армию, другой — ингушский — вообще их лучший друг) едва ли стоят их. При таком раскладе единственным положительным моментом может стать некоторое уменьшение представительства в Думе КПРФ, но при президенте — Примакове и это практически теряет смысл.

СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

МОНАРХИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

В СТРАНЕ ПОЛУДЕННОГО СОЛНЦА

Американский писатель Джемс Миченер приобрел известность превосходной книгой “Гавайи”, где проследил в форме романа историю этой группы островов, причем честно разоблачил безобразный захват их Соединенными Штатами. Приобретая за время последней мировой войны хорошее знание Океании, он вновь обратился к ней в сборниках рассказов “Возвращение в рай” и “Бездельники в раю”.

В дальнейшем он сделался специалистом по, так сказать, биографии отдельных стран. Из них “Сайонара” о Японии отражает, видимо, его опыт пребывания там. Другие как “Источник”, об Израиле, свидетельствует об основательной документации по истории данного края. Более поверхностна его книга об Афганистане, а когда он говорит об Испании, то ясно высказывает полное непонимание духа этого государства (что, впрочем, вообще свойственно англосаксам). Книга же его о Польше вообще очень слаба и содержит много неверного.

В его вроде бы последней по времени работе “Аляска” нам в первую очередь интересно то, что связано с Россией.

Первый этап колонизации русскими Алеутских островов представлен тут очень жестоко; трудно не подумав, что с некоторым сгущением красок.

На сцене действуют промышленники, в большой части ссыльные в Сибирь преступники и всякие авантюристы. Если верить Миченеру, они зверски обращались с туземцами и вели охоту хищническим образом, истребляя ценные породы животных. Возможно, что так, — более или менее, — и было.

Об этих годах мы имеем бесхитростное свидетельство старой матросской песенки:

**Как морские алеуты
На походе были плуты.
Они стрелками стреляли,
Мы из ружей отвечали.**

Но сам американский писатель признает, что позже, в частности при правлении на Алеутах А. Баранова, все это резко изменилось; установились закон и порядок. Упоминает он и о том, что русские миссионеры широко распространили среди туземцев православие и знание русского языка. Более того, признает автор “Гаваев” и то, что с индейцами тлингитани русские воевали по принципу взаимного уважения: враждебные индейские вожди выразили Баранову свое почтение при его отъезде с архипелага.

Во всяком случае, как констатирует писатель, с установлением имперской власти на Аляске были введены твердые и разумные правила: запрет на продажу местным жителям спиртных напитков и на охоту за морскими котиками, угрожавшую их полным исчезновением.

Тогда как американцы эту охоту продолжали, где только могли, и торговали алкоголем, что вело к прямой гибели целых деревень эскимосов, а отчасти и индейцев. Нельзя упрекнуть Миченера в полной русофобии: он не без восторга говорит о Петре Великом и о том же Баранове, частично и о русском духовенстве.

Однако поражает его невежество. Отметим, что в числе специалистов, коим он выражает в конце книги признательность за советы, нет ни одного русского (и, видимо, даже ни одного ученого, занимающегося русскими делами).

В результате, роман пестрит ляпсусами. Например Петр Первый, прощая буйного украинского казака за своеволие и наделяя его своею милостью попутно собственноручно сбривает

ему бороду, с чем тот волей неволей примиряется. Так украинские казаки как раз бороду не носили, а только усы! Иди речь о русском боярине, иное бы дело.

Неладно с именами и фамилиями. Светская барышня из аристократии носит имя Прасковья Костылевская. Не то, чтобы это было невозможно: в иных дворянских кругах держались за народные имена. Но уж это никак не типично! Еще более странно, что в дальнейшем ее муж ее зовет **Праска**. Скорее бы уж **Параша**, а то и **Полина**.

Совсем уж удивительно зовут играющего в повествовании важную роль русского священника (и его потомков): **Федор Афанасий** (!). Опять же, не скажем, что оно невозможно: бывают в России фамилии типа **Харитон**, **Илья**. Но тут.. тем более в духовной среде, — мы бы скорее ждали бы **Афанасьев** или **Афанасьевский**.

Неприятно, что некоему звероподобному казаку из числа промышленников дана фамилия **Загоскин**, вовсе не казачья, а дворянская, и притом — прекрасного писателя.

Курьезно, что дальше в тексте, говоря о современных алеутах и индейцах, автор называет, — видимо, беря из жизни, — сохранившиеся у них до сегодня русские фамилии, вполне правдоподобные и естественные: **Теченов**, **Полетников**, **Меркулиев**, **Бородин**.

Существенное место в длинном эпическом рассказе занимает продажа русским правительством Аляски американцам: самая тяжелая (и малопонятная) ошибка, сделанная Россией за всю ее историю; и притом при столь умном царе как Александр II!

Здесь мы узнаем много нового и интересного. Оказывается, **США не хотели** этой покупки, и их конгресс согласился лишь после

долгих споров и в результате интриг и взяток со стороны некоторых политических групп.

Тяжело читать описание последовавших за этим беспощадных гонений на русских (большинство тех, кто был готов остаться, оказались принуждены вернуться на родину) и особенно на православие и на русскую культуру, расценивавшиеся как **бесполезная вера и бесполезный язык**.

Полностью-то их вытравить так и не удалось, но в очень значительной мере — да. Достаточно отвратительным было и подробно описанное здесь свинское отношение к индейцам и эскимосам.

С полным непониманием говорит писатель о православных обычаях: в его представлении принявший монашество священник может получить разрешение жениться, оставаясь в сущем сане.

Немало налицо и сомнительных допущений: чукчи мол прямые предки индейцев атабасков. Возможно ли сие, учитывая, что их языки вовсе различны? Удивляет, встречающееся тут название тлингитских вождей **тойонами**. Это, как будто чисто якутское слово.

В последних главах изображены русские ученые и политики, мечтающие о возврате Аляски. Это есть нечто малоправдоподобное; да вряд ли даже и желательное.

Что бы стала делать Россия с миллионами англоязычных (и отравленных американскими нравами) подданных? Они бы могли у нас сыграть скорее всего лишь отрицательную роль.

Нет уж, сделанную ошибку исправить трудно; в данном случае “потерянное возратить” (как выразилась Екатерина Великая о Белоруссии) навряд ли мыслимо.

Гамид Садыкбаев

ПЕЧАТЬ

БРЕД О ПУШКИНЕ

В «Литературном Европейце» № 15 от с. г., Р. Банчуков гордит невероятную чушь:

«Поэт, чтобы «поставить все точки над і» пишет антисамодержавное стихотворение «Анчар» (1928) — это проклятие самовластию, сеющему горе и смерть».

Стихотворение, как известно, представляет собою весьма реалистическое описание подлинно существующего на Малом Архипелаге ядовитого дерева; описание, заимствованное Пушкиным из заметки голландского врача Фурша, опубликованной по русски.

Пришивать сюда политику есть грубое шулерство. Сам Александр Сергеевич отмечал, что если считать, будто слово **дерево** означает «конституцию», а слово **стрела** — «самодержавие», то можно договориться да чего угодно.

Даже советские литературоведы, при крайней своей недобросовестности, избегают выражаться с такою фальшивою решительностью как г-н Банчуков.

НЕНАВИСТНИК РОССИИ

В том же номере В. Брюханов, разбирая международную политику XIX и в начале XX века проявляет ожесточенную ненависть к России.

В результате, он ничего не доказывает, кроме своего глубокого антирусизма.

Россия стремилась расширить свои границы, — это плохо: помогла бескорыстно Австрии, согласно обязательствам Священного Союза, — это плохо; освободила славян от турецкого ига — это очень плохо; предложила мирную конференцию в Гааге — это совсем скверно.

Одним словом, все действия Российского Государства всегда оцениваются отрицательным образом. Но при таком подходе можно любую нацию обвинять в коварстве, свирепости, глупости, и вообще в чем вздумается. Историк именно не должен быть столь пристрастным, — если желает быть убедительным.

СОЛЖЕНИЦЫН ОБ НТС

В «очерках изгнания» А. Солженицына «Угодило зернышко промеж двух жерновов», напечатанных в «Новом Мире» № 9 за 1998 год читаем, о солидаристах:

«Душой — я вполне сочувствовал начинателям их Союза, молодежи русской эмиграции в Европе в 20-е 30-е годы: естественный порыв переосмыслить и прошлое и будущее, искать собственные пути к освобождению России. Но вот читаю теперь — и ощущение какой-то неполноценности, не-

дотянутости до полного уровня и полного объема. Программа их с использованием мысли о солидаризме (а не классовой борьбе!) как главной движущей силе развития человечества составлена была настолько безнационально, что довольно было бы вместо «наша страна» везде поставить Турцию — и равно пригодилось (не пригодилось) бы и для Турции. Теперь мы наблюдали НТСовцев сутки, устроено было теоретическое заседание со всем их руководством — и впечатление, увы, подтверждалось; не слишком живоносная ветвь пораженной, рассеянной, растерянной русской эмиграции. В революцию затмилось русское небо и не стало видно вечных звезд, утерялась связь с уверенным ходом их — и остались мерки подручные. И для освобождения России никак бы не могли в те годы придумать НТСовцы другой формы и метода, как создать такую же централизованную заговорщицкую партию, как большевики, только с другим знаком, чистую».

ВЕЛИКИЙ УЧИТЕЛЬ

В № 9 «Нового Мира», Т. Касаткина, в рецензии на книгу С. Фуделя «Наследство Достоевского» (Москва, 1998), пишет следующее:

«Пожалуй, две важнейшие вещи сказаны Фуделем о Достоевском:

Первое: **литератор** Достоевский — учитель и проповедник христианства в мире, где иссыхают источники веры; в мире, где взбунтовавшиеся овцы не желают пить из самого чистого и полноводного источника, предпочитая умереть от жажды. В мире жаждущих веры, но не просящих о ней.

Второе: Достоевский именно **настолько литератор** — хороший литератор — насколько он учитель и проповедник христианства. В интерпретации Фуделя он оказывается настолько художником, насколько справляется с принятой на себя задачей, причем задача эта лежит вовсе не в художественной области.

Чудо Достоевского именно в этом сочетании. Гоголю и Толстому пришлось выбирать — и в результате отказаться: Гоголю от искусства, Толстому — и от искусства и от христианства. Достоевский силой искусства сумел поставить перед читателем веру, но вставшую «трепетным чувством сердца, делом подвига жизни, делом личной Голгофы и Воскресения».

МЕРТВЫЕ КЛИШЕ

Привлекает внимание, в № 7 «Нового Мира» за 1998 год, рецензия Ю. Кублановского на книгу А. Боханова «Николай II» (Москва, 1997). Впишем целиком первые два абзаца:

«Не прошло и полутора лет после упразднения царской власти, как ее оппонент П. Б. Струве писал: «Один из уроков русской революции представ-

ляет открытие, в какой мере «режим» низвергнутой монархии, с одной стороны, был технически удовлетворителен, а с другой — в какой мере самые недостатки этого режима коренились не в порядках и учреждениях, не в «бюрократии», «полиции», «самодержавии», как глаголили общепринятые объяснения, а в нравах народа или всей общественной среды, которые отчасти в известных границах даже сдерживались порядками и учреждениями».

Но то, что стало «открытием» для Струве и многих его сподвижников еще в 1918 году, до сих пор закрыто для многих и многих нынешних политиков, идеологов, журналистов, не озаботившихся после окончания советских вузов — в течение жизни — углублять и нарацивать свое миропонимание. «Столыпинские галстуки» и прочие вульгарные политические клише выскакивают у них без запинки. Соответственно и фигура последнего русского государя ими ненавидима, презираема. Его как-то умудряются одновременно считать и «кровавым», и чуть ли не рохлей, ненавидеть за жестокость и презирать за слабость».

Как не удивляться! В послебольшевицкой России, отнюдь не правый толстый журнал пишет о царе вполне прилично, с пониманием и сочувствием.

А в «Новом Журнале», прежде — органе высшей эмигрантской интеллигенции, А. Либерман, по поводу книги Аллы Кторовой, устраивает пляску диких над трупами царственных мучеников, вопит, что ему «нестерпимо» слушать о том, что де царь Николай II был примерным семьянином (а это ведь очень трудно было бы оспаривать) и, впрочем, поношения рухнувшего советского строя тоже.

Поистине, вроде бы два журнала, один за бывшим железным занавесом, другой по эту его сторону, в свободном мире, как бы поменялись местами...

МЕРЗАВЕЦ ЛИ?

С. Фадеев, в журнале «Родина» № 5 от с. г., в статье «Незаменимый «мерзавец»», дает очень злую характеристику убитому террористами министру В. К. Плеве. Но справедливую ли? Во всяком случае, полную противоречий.

Сам автор статьи называет его «последним из крупных российских руководителей, кто еще мог сдерживать нарастающее в те годы революционное движение». И дальше: «Но кто знает, не погибни министр от рук террористов, сумели бы большевики завоевать власть в 1917-м? Не исключено, что вряд ли. Уж Плеве постарался бы этого не допустить».

В наших глазах, это не обвинение, а похвала, — и немалая!

Отнюдь не расположенный к нему П. Милюков отозвался о Плеве так: «Он мне представился каким-то Дон Кихотом отжившей идеи, крепко прикованным

к своей тачке, — гораздо более умным, чем та сизифова работа спасения самодержавия, которой он был обязан заниматься».

Дон Кихот-то ведь уж никак не «мерзавец»! Мы о нем согласны с мнением Сирано де Бержерака в пьесе Ростана:

Шляпу снять берет меня охота При имени его одном

А идея, которой, на своем посту, служил министр внутренних дел, — право же была не такая уж и плохая!

Фадеев обвиняет Плеве в погромах, констатируя однако, по поводу кишиневского: «Погромщики были осуждены, губернатор смещен». И даже: «Министр начал было облегчать жизнь евреев. Расширял, например, число местечек, допустимых для жительство, лишь бы молодежь не шла в число эсеров, РСДРП и других подобных организаций».

Вот что Плеве был сторонником войны с Японией, — это, конечно, не делает чести его проницательности; но не относится к его моральным качествам.

Вообще же, полагаем, он заслуживал бы более справедливой оценки, чем даваемая ему тут.

СУДЬБЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В номере московского толстого журнала «Литературная Учеба» за май-июнь 1992 года, американская литературоведка Э. Т. Рич констатирует:

«Печально, но сегодня первым делом приходит на ум русская поговорка: «Не все золото, что блестит». Вместо ожидаемого расцвета в годы перестройки современная литература испытывает серьезный дефицит выдающихся художественных произведений, переход же к рыночной экономике оказался для литературного «истэблшмента» чрезвычайно тяжелым. Наверное, не стоит удивляться, что эйфория уступила место более сдержанным оценкам».

«Независимо от того, какие литературные силы расцветут в ближайшие десятилетия на обновленной литературной сцене, очевидно одно: литература в России перестала играть исключительную роль».

Там же другой американец, Р. Браун пишет:

«Не удивляет меня и та популярность, которой пользуются в современном русском читателя исторические и приключенческие романы, давно уже любимые на Западе. Принимая во внимание, что развитие русской литературы — изумительной, могучей, — после большевицкой революции было приостановлено, естественно, что заполнить вакуум должен быть именно этот жанр».

Хотя до сих пор и прошло много времени, эти высказывания продолжают звучать и сегодня весьма актуально.

В. Р.

ВСЕВОЛОД РАКИТИН

1949-1999

50-ЛЕТИЕ ПРИХОДА ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ
В БУЭНОСАЙРЕССКОМ ПРИГОРОДЕ ТЕМПЕРЛЕЕ

В то время как натовцы громили беззащитное население православной Сербии, в день Всех Святых наш скромный приход в далекой Аргентине справлял — в последнем году последнего века второго тысячелетия — свой первый 50-летний юбилей. К 25-летию прихода М. П. Ракитин отозвался подробным трудом о его истории, рецензия на который была опубликована в номере 1297 "Нашей Страны". Постараемся и мы оставить о приходе, в особенности о его священниках-бесребренниках, хотя бы слабый след в людской памяти.

Первое богослужение, предшествовавшее созданию прихода, было совершено 1-го декабря 1948 г. игуменом Никодимом (Угодским) в его комнате в буэносайресском пригороде Монте Гранде. Там же в мае 1949 г. под председательством о. Никодима состоялось собрание, на котором был основан приход в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Были выбраны: староста — Е. С. Кулиш и церковно-приходской совет — Л. И. Вельбицкий, С. Г. Кришпинович, Е. Н. Четверикова и Д. Б. Тизенгаузен.

В 1950 г. настоятелем назначается протоиерей Николай Черкашин, а в 1951-ом протоиерей Николай Колчев. Богослужения стали регулярно совершаться в доме Б. А. Иванова в пригороде Луис Гижон. Старший сын о. Николая, С. Н. Колчев, опытный регент и псаломщик, организовал церковный хор. С ростом числа прихожан возник вопрос о необходимости постройки храма. В августе 1951 года старостой избирается М. П. Ракитин, пробывший на своем посту почти 35 лет, вплоть до своей кончины 21 июня 1986 года.

В середине 1952 г., по благословению архиепископа Иоасафа (Скородумова), церковь переводится в Дом Русских Военных Инвалидов в Темперлее. Тогда же приобретает участок земли для постройки храма на улице Анчорена. Архитектор В. В. Гансон составляет проект церкви.

Закладка храма была совершена 17(30) августа 1953 г. Владыкой Иоасафом. Начались строительные работы и первые кирпичи стен положил М. И. Турияница, впоследствии редактор-издатель журнала "Свободное Слово Карпатской Руси" в США. Ему помогали И. М. Булатов, И. И. Булатов, Ю. А. Вахтель и многие другие прихожане, среди них — большой процент молодежи.

В Вербную Субботу, 17 апреля 1953 года, наша церковь перешла в еще не законченное собственное здание, временно освященное о. Николаем Колчевым. В 1955 г. о. Николай с семьей уезжает в США, где продолжает служить и где отходит ко Господу 12 сентября 1974 г.

В сентябре 1955 г. настоятелем был назначен иеромонах Корнилий (Руднев), служивший до ноября 1956 г. Он украсил храм многими иконами, благостным служением и теплым отношением снискал к себе любовь прихожан, одновременно издавая журнал "Православное Слово". Также с этого времени стал подвизаться в храме псаломщик Даниил Ильич Гризодуб. Он был деятельным помощником трех настоятелей до своей смерти в 1972 г. Долголетним регентом хора была О. Ф. Седляревич; в данный момент им управляет ее дочь Т. Н. Седляревич.

С декабря 1956 г. по сентябрь 1958-го настоятелем был архимандрит Савва, впоследствии епископ Эдмонтонский и Западно-Канадский. К престольному празднику 1957 г. был проведен ряд последних работ Б. Любичем, Ю. Ракитиным и В. Сапыряевым, а полковник В. В. Шапкин и Д. Н. Новотный пожертвовали купола и кресты: храм принял законченный вид.

Духовная жизнь прихода достигла большой высоты и расцвета. При нем были организованы ежемесячные духовные беседы, с духовными концертами. Впервые в истории Аргентинско-Парагвайской епархии Русской Зарубежной Церкви начал свою деятельность Свято-Владимирский Кружок Молодежи, при котором проводились доклады на религиозные и культурные темы. Архиерейский Синод поддержал идею Владыки Саввы о создании Братства Духовного Обновления для Спасения России. Владыка, серб по происхождению, отошел ко Господу в Канаде 30 января 1973 г. оставив по себе молитву о России: "Господи Иисусе Христе, Боже наш! Прости беззакония наша! Молитвами Пречистыя Твоя Матери, спаси страждущие российские люди от ига безбожной власти. Аминь."

С 10 сентября 1958 г. и по 26 января 1996-го, то есть на протяжении 38 лет, нашим настоятелем был о. Сергей Иванов. Работая архитектором для содержания семьи, отец Сергей старательно выполнял обязанности священнослужителя и, как пастырь добрый, был любим и уважаем своей паствой.

Своим доброжелательным и спокойным характером, протоиерей Сергей Иванов умел смирять страсти, никого не оставляя без внимания. Перегружая себя, он хронически недосыпал, из-за чего часто можно было встретить его в поезде, едущим с работы или на работу... спящим даже стоя. И все же с неизменной лаской и любовью, с присущей ему скромностью, встречал всех к нему обращающихся. Он был снисходителен к другим, но не к исполнению своих обязанностей, особенно церковных, в чем он был абсолютно принципиален. Скончался о. Сергей в городе Барилоче 10 мая 1998 года.

Уже при о. Сергее, в неделю Всех Святых 1959 г. Его Высокопреосвященство архиепископ Афанасий (Мартос) совершил таинство освящения храма и отслужил литургию в сослужении протоиерея Никифора Соловьева, о. Сергия Иванова и протодиакона Василия Карклина. Присутствовало около 120 человек.

После отъезда о. Сергия Иванова на покой в Барилоче наш приход стал окормляться настоятелем храма Святителя Гермогена в Кильмесе, отцом Игорем Булатовым, бывшим хористом нашей церкви, достойным преемником о. Сергия.

В разные периоды времени служили также в Св. Покровском храме: протодьякон Иоанн Леонов, до своего назначения в Кафедральный Собор; протодьякон Иоанн Гречишкин служил с 1957-го по 1959-й; протодьякон Василий Карклин служил с 1962 до своей смерти в 1968-м — латыш по рождению и юрист по образованию, он был человеком большой культуры и русским в душе.

Л. Б. Казанцев был псаломщиком нашего прихода с января 1972 г. по 22 апреля 1973-го, когда Владыка Афанасий рукоположил его в сан дьякона. Леонид Борисович был одним из активнейших наших прихожан, уделивший много времени постройке храма и его периодическому ремонту. После своего посвящения о. Леонид не оставил близкого ему и родного храма, но к несчастью служение его в сане дьякона было коротким. В канун Рождества Христова о. Леонид служил в последний раз; скончался он 27-го января 1974 года. На следующий день его отпевал в нашем храме Владыка Афанасий в сослужении о. Сергия Иванова и о. Владимира Шленева, при большом стечении молящихся.

Церковно-приходская суб-

ботная школа была организована в 1951 г. С. Н. Колчевым. С 1955-го по 1957-ой школой ведал А. Г. Шереметьев, с 1958-го по 1959-й — В. П. Шкурко, а с 1959 г. — о. Сергей Иванов при помощи А. С. Ковригина. Преподавали — кроме самого о. Сергия — С. Н. Колчев, матушка Н. В. Иванова, И. П. Шкурко, Н. С. Юхно, А. А. Сыдовт-Севрюгина, Ю. А. Герцог, Н. В. Чистякова, Н. Н. Козловская, Е. С. Донченко-Дебенедетти, Г. Н. Сокальская, Е. В. Севрюгина. Из нашей школы вышел ряд впоследствии выдающихся людей, как общественный деятель и публицист В. Н. Беляев, солист оперы А. В. Севрюгин, международно известные врачи братья Г. и Н. Новицкие и морские биологи братья А. С. и Д. С. Болтовские, журналисты Н. Л. и А. Л. Казанцевы и другие.

Благодаря Господу, наш скромный приход может гордиться своими настоятелями и многими из своих прихожан, из которых особенно хочется отметить недавно скончавшуюся Магдалину Францевну Бондаренко, бывшую на протяжении почти всей истории нашего прихода его бессменным казначеем, бухгалтером и счетоводом.

Благодарим наших живых прихожан и молитвенно поминаем умерших принявших участие в развитии и процветании нашего прихода. Если о комнибудь забыли в этой статье, просим прощения. И как сказано "за всех и за вся".

Наш юбилей совпал с 200-летием со дня рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, которое пришлось на день Всех Святых — 6 июня по новому стилю. В этот день был устроен концерт в зале при церкви Святой Троицы в Буэнос Айресе с исполнением, главным образом, произведений основанных на пушкинском творчестве. В концерте, при полном зале, приняли участие: оперный баритон Борис Годин, чтец-декламатор Иван Головин, Ирина Лещенко (фортепьяно), Татьяна Пинчук (виолончель) и Ольга Пинчук (скрипка). Виолета Руденко выступила с собственными произведениями, а программу вел конференсье И. Котлер. Вступительное слово порусски произнес В. М. Ракитин, а по-испански В. Ю. Комаров.

В воскресенье же 27 июня в нашем храме после Божественной литургии был отслужен благодарственный молебен.

Всем спасибо и Господу слава.

ВСЕВОЛОД РАКИТИН

Б О Г В П О М О Щ Ь !

К 70-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОГО ИМПЕРСКОГО СОЮЗА-ОРДЕНА

Российский Имперский Союз-Орден в настоящем году празднует 70-летие своего существования. Во время подготовки к выпуску сборника посвященного этой знаменательной дате мне пришлось просмотреть уцелевший архив. Много жизненных этапов было пройдено нашей организацией — формирующийся ("младенческий"), военный ("юношеский") и разнотерриториальный ("Европейский", "Южно-Американский", "Северо-Американский", "Австралийский"), а за последние десять лет — возрожденческий ("Российский"). Во многом наша организация отражает судьбу ее основателей — белых воинов, антикоммунистов, скитающихся по всему свету, и всюду оставляющих память о своем пребывании, чаще всего в виде церкви, школы, общественной организации. Отделы Российского Имперского Союза-Ордена были в самых разных частях света — от Брюсселя до Бруклина, от Сирии до Сиднея, от южной Патагонии в Аргентине до северного Ланарка в Канаде.

Всюду имперцы основывали свои ячейки, вели просветительскую работу с молодежью, напоминали местному населению об ужасах коммунизма и миллионных потерях перенесенных первой жертвой этого сатанинского режима — Россией. Оставаясь всегда верными своему лозунгу "За Веру, Царя и Отечество" имперцы всячески поддерживали церковные начинания, вели активную борьбу против экуменических или модернистских настроений, часто пели в церковных хорах или исполняли другие приходские обязанности. В любой момент когда появлялась возможность послужить делу Государеву имперцы с надлежащим почетом проводили встречи с Великокняжеской Семьей, печатали Обращения Его Императорского Высочества, проводили сбор средств в Казну Великого Князя, поддерживали надежную связь с его походной канцелярией.

Более 50 лет тому назад некий Л. М. Савелов-Савелков поздравил нас со следующими словами, которые, как ни странно, очень подходящие и к сегодняшнему дню; хочу поделиться им.

"Союз Имперцев празднует в настоящем году десятилетие

своего существования в Соединенных Штатах. Не касаясь его политических задач, построенных на русском национальном фундаменте, что и выражено им в принятом им лозунге — "Мы русские — с нами Бог", лозунге много говорящим и много требующим от "имперцев", я хочу коснуться одной из задач, поставленных себе имперцами, задачи, особенно трудно достижимой в условиях нашего времени, когда человечество забываются все те лозунги, на которых строилась жизнь христианских народов и особенно православной России.

Мы живем в веке, когда человечество круто повернуло в сторону самого грубого материализма, забывая постепенно все то, чему учил и что заповедал человечеству Спаситель Мира.

Эгоизм, овладевший человечеством, отвергает прошлое, причем забывается, что если бы не было этого прошлого, то не могло бы быть и настоящего. И к современному человечеству вполне приложимы слова Пушкина — "Истории своей не ведают, старины не ценят и пресмыкаются перед современным".

Одна из зачат имперцев, это борьба с этим направлением, доминирующим в наше время — Союз поставил себе целью охранить "русскую" молодежь от тлетворного влияния, окружающей ее среды, их цель

сохранить в молодежи их "русскую душу", может быть и несколько сентиментальную, но "сентиментализм" — это одна из черт, отличающих человека от животного. Союз пытается привить русской молодежи любовь к великой родине их отцов, для чего необходимо, чтобы русская молодежь знала историю России, так как без этого знания она может запутаться в том невероятном вздоре, который распространяется, одними по неведению, а иными умышленно...

Найдется немало дела, к которому она должна быть готова, а потому, приветствуя работу Союза Имперцев, я повторю: "Бог в помощь".

Так нас поздравляли 50 лет тому назад — а действительность почти не изменилась, только что нам пришлось наши усилия перборосить из эмиграции к себе на родину. Теперь нам надо воистину "русскую" молодежь учить правде о своей истории, прихотан русских церковью оберегать от зла сергианства и западничества, просвещать общее население о законном наследнике российского престола.

То, о чем только могли мечтать наши учителя и руководители, для нас стало действительностью — Российский Имперский Союз-Орден находится на территории **российской**. Начинается, новый, может самый сложный, но и

самый плодотворный, этап нашей организационной жизни. Пути Господни воистину неисповедимы — кто мог бы, даже 15 лет тому назад, представить себе, что начальник будет поздравлять соратников и участников движения не только за границей, но и в самой России!

Мы стоим на пороге нового десятилетия в жизни организации, но также, вместе со всем человечеством, мы стоим на пороге не только нового столетия, но и нового тысячелетия. В такой знаменательный момент, считаю нужным напомнить всем, о трех словах, находящихся, по Уставу, "в правом углу всех печатных изданий Ордена, а также на всех, как официальных, так и частных, письмах к соратникам" — а именно "С нами Бог!" Если мы это пишем, значит мы обязаны полностью осознать какую великую моральную и духовную обязанность мы на себя берем. Но, как учил Апостол Павел, "Вера, без дел мертва есть". Добровольно взяв на себя обязанность быть "рыцарями духа", мы должны постоянно исполнять свой долг перед Верой, Царем и Отечеством. Только верным служением нашей заветной цели мы сподобимся увидеть возрождение Русского Православного Царства.

Г. А. Федоров
Начальник Российского Имперского Союза-Ордена

Владимир Рудинский

НЕНУЖНАЯ ВРАЖДА

Сочувствие сербам, как соплеменникам и православным со стороны русских более или менее в целом, включая наших читателей, понятно и в какой-то мере законно.

Но очень не хотелось бы, чтобы оно переходило во враждебность к албанскому народу. Совсем неудачен повод к таковой на базе к религии. Албанцы на две трети мусульмане, а одна треть — христиане; католики и православные.

Кроме того, в состав России, — и даже обкарнанной Эрефии, — входят мусульманские народности и вражда между народами на почве разницы в вере была бы для нас крайне вредной.

С албанцами Россия никогда не воевала и причин к тому не было и, можно бы надеяться, не будет. Вражда между ними и сербами, — их внутреннее дело, ввиду смежности границ.

Мне, возможно, повезло: я встречал албанцев только вполне культурных и симпатичных.

В том числе, на Корсике, в

момент приезда в Париж Хрущева.

Мы, как шутили французские газеты, — "туристы поневоле", люди, известные антикоммунистическими взглядами — самых разных национальностей! — были тогда сосланы на Остров Красоты; я, в частности, оказался среди тех кто был сосредоточен в городке Иль Русс, недалеко от Бастии.

Жили мы там очень неплохо. Для корсиканцев оказалось приятной неожиданностью, что в "мертвый сезон", когда путешественников мало, март-апрель, к ним нахлынули приезжие, занявшие лучшие отели (платило-то за все французское правительство!) и, получая от государства карманные деньги, обильно покупавшие местные сувениры и проводившие время в пустовавших иначе кафе.

Так вот, оказался я раз в столовой рядом со столиком, за которым сидели два албанца, один старый, другой молодой.

Я поднял стакан с вином и сказал: "Mbreti trofte!" То есть "Да

здравствует король!" Оба были в восторге, и мы с ними с тех пор стали друзьями.

Других встречал я прежде, до того еще, в пересыльных лагерях для "перемещенных лиц" во Франции и тоже устанавливал с ними неизменно дружеские отношения.

Их родина, как и наша, была порабощена коммунистами, их мечты были об освобождении, для многих — о восстановлении законной монархии.

Всех нас это объединяло, создавало взаимное понимание; а уж ссориться было вовсе не за что.

Где-то они теперь, мои товарищи по несчастью? Живы ли? Как смотрят на происходящее в своей стране? Увы, наверно, они как и мы переживают достаточно горькое разочарование...

Дай Бог истинную свободу и возврат к счастливому прошлому и им, и нам! И грустно будет, если между нами, разделяя нас, возникнет стена ни за чем не нужной враждебности

Владимир Рудинский

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

КТО ВООРУЖИЛ БАСАЕВА?

Нам пишут из Москвы:

Корреспондент газеты "Аргументы и Факты" Владимир Сварцевич рассказал, что во время взятия российскими войсками дагестанского села Карамахи, захваченного и укрепленного чеченскими террористами, басаевские боевики вели огонь по нашим бойцам, прикрывшись, словно живым щитом, собственными женами и детьми.

Во время очистки Карамахи найдены десятки тысяч патронов, гранат, мин, минометов и ракетных установок. Обнаружены ручные гранатометы РПГ 1999 г. выпуска и переносной зенитно-ракетный комплекс "Игла", предназначенный для поражения современных самолетов. В бункерах — специальная литература на арабском языке, шприцы, наркотики, порнографические журналы и... презервативы.

Военные специалисты, подсчитав потери, убедились, что треть погибших российских солдат была "вырублена" снайперами. Стреляли в основном в голову... и мужские половые органы.

Полный шок у военных вызвало известие о наличии у боевиков секретных образцов мощной снайперской винтовки "Взломщик", разрывная пуля которого пробивает даже броню. Мощная электронная оптика творит чудеса. Моментально учитывает скорость ветра при выстреле. Пятьдесят опытных экземпляров "Взломщика" проходят обкатку в лучших спецподразделениях. Как 12 секретных "Взломщиков" оказались у боевиков — пока тоже секрет. Каждая винтовка стоит около 50 тысяч долларов.

ФИНАНСИРУЯ ВРАГА

Нам пишут из Москвы:

В Москву — тротил, в Чечню — русские деньги. В то время как чеченцы устраивали террористические акты против русского населения, правительство РФ продолжало финансировать Чечню.

По данным Министерства

ОПЕЧАТКА

В № 2563-64, в рубрике "Печать", под заглавием "О пользе курения" вкралась опечатка. Следует читать, разумеется, "Хэпгуд посетила Толстого 25 ноября 1908 года в Москве".

Финансов РФ, в федеральном бюджете на 1999 г. в статье 37 предусматривается выплата средств Чечне из "Фонда финансовой поддержки субъектов Федерации". В первом полугодии 1999 г. Чечне было выплачено за счет ее доли в фонде 122 миллиона 540 тысяч рублей на зарплату бюджетникам, на пенсии и пособия, а также возмещены затраты концерна "Чечентранснефть" по обеспечению транзита азербайджанской нефти через территорию Чечни. Кроме того возмещались расходы на авиационные рейсы для руководства Чечни.

БЕРЕЗОВСКИЙ И ЧЕЧЕНЦЫ

Нам пишут из Москвы:

Газета "Аргументы и Факты" написала, что премьер В. Путин абсолютно непримирим в отношении к чеченским бандитам и никакие предложения Б. Березовского о том, чтобы от них откупиться, в расчет не принимаются.

Между тем начал осуществляться проект бывшего вице-премьера Б. Немцова по строительству нефтепровода в обход Чечни. Именно воруемая нефть дает боевикам от 120 до 150 миллионов долларов в год. Так что отключение нефтяного потока смертельно ударит по чеченским сепаратистам. Два года назад удалось организовать только завоз труб в Хасавюрт. Но строительство так и не началось, хотя все знали, что на чеченском участке трубы просверлено около 30 тысяч дыр и чеченцами воруется более миллиона тонн нефти.

Тем временем, несмотря на обвинения в сотрудничестве и финансировании чеченских террористов, согласно названной газете, в планах Б. Березовского — чиновничья работа по курированию Кавказа, а позднее — сбор миллиона подписей для выдвижения своей кандидатуры на пост президента РФ.

ПАМЯТИ БЕЛЫХ ВОИНОВ

Нам пишут из Ямбурга:

Возглавляемое С. Г. Зириным Братство Архистратига Михаила, объявившее о "Крестном марше" в России, конечной целью которого является создание Мемориала Белых Воинов, восстановило первую обнаруженную братскую могилу солдат и офицеров Северо-Западной добровольческой армии еще в прошлом году в селе Ложгалово, Сланцевского уезда.

В этом году, в селе Скамья, на границе Сланцевского и Гдовского уездов, имел место второй сбор, во время которого

был воздвигнут голубец с иконой Новомучеников Российских от безбожников убиенных "светлой и вечной памяти христоролюбивого русского воинства".

Там, в декабре 1919 года, на льду и в водах Чудского озера и реки Наровы — предварительно разоруженные и ограбленные вплоть до нательных крестов эстонцами — чины Талабского полка армии генерала Юденича погибли под перекрестным огнем большевицких и эстонских войск.

С. Г. Зирин написал в газете "Время", что "участниками увековечивания памяти православных воинов явились и потомки белых воинов из Аргентины, внесшие пожертвования на создание Русского Северного Голубца... Прибыли журналисты и иеромонах Варсонофий (Капралов) из Петербурга, который совершил чин освящения, отслужил панихиду по павшим белым воинам и молебен новомученикам российским. Воины Российской Армии произвели салют. Взвились в небо сигнальные ракеты, будоража память людскую: это нужно не мертвым, это нужно живым".

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРЦЕВ

Нам пишут из Воронежа:

В очередную годовщину царевбийства, стараниями Воронежского отдела Российского Имперского Союза-Ордена, Г. Н. Шимко-Юшкова, впервые в истории Воронежской епархии Московской Патриархии здесь был отслужен молебен Царственным Мученикам.

Отдел устроил обширную выставку в центральном конференц-зале города, посвященную 70-летию Российского Имперского Союза-Ордена. В числе прочих экспонатов, были выставлены книги, листовки, брошюры и фотографии.

"СИЛЬНАЯ РУКА"

Нам пишут из Москвы:

В ходе опроса, проведенного Научно-Исследовательским Центром Социального Анализа и Статистики 28,7 % опрошенных считают, что Россией должна постоянно править "сильная рука"; 23,6 % думают, что всю власть можно сосредоточить в одних руках лишь в определенных ситуациях; 14,6 % затруднились что-либо ответить на вопрос.

Только 33,1 % решительно высказались против "сильной руки".

БОРИС ИОРДАН

Нам пишут из СПб:

Пожертвование в сто тысяч долларов, сделанное финансистом Борисом Иорданом, сыном русских политических эмигрантов, спасло от разрушения одну из главных питерских святынь.

Находящийся в Александроневской Лавре Благовещенский Склеп был официально открыт после целого года реставрационных работ.

Склеп, построенный в начале XVIII века по приказу Петра I для мощей покровителя города, Святого Благоверного Князя Александра Невского является пантеоном выдающихся русских государственных и военных деятелей XVIII и начала XIX века. Самый знаменитый из них — Александр Васильевич Суворов.

Б. А. Иордан пожертвовал деньги иенно на этот склеп, побуждаемый своим желанием "помочь России восстановить свое чувство истории и улучшить воспитание офицеров страны".

"Это очень важный день для моей семьи, которая была вынуждена покинуть Россию после революции", сказал Иордан. "Это наш скромный венок на могилу великого человека — графа Суворова".

Внук императорского офицера, сражавшегося в Гражданскую войну против красных, Б. А. Иордан до сих пор помогал кадетским корпусам в России. Он пожертвовал около 800 тысяч долларов на ремонт их зданий, на учебники и военные формы, а также участвовал в финансировании премьеры последнего фильма Никиты Михалкова "Сибирский цирюльник", прославляющего императорских юнкеров.

До того как Б. А. Иордан сделал свой вклад, склеп не только был в полном запустении, но его структура могла обвалиться в любой момент.

"У нас просто не было средств, чтобы спасти склеп, который был реставрирован последний раз после Второй Мировой войны" сказала Вера Рытикова, главный куратор Музея Скульптуры, в чьем ведении находится склеп.

Могилы склепа украшены 105-ю статуями и памятниками.

Родившийся в США Б. А. Иордан переехал в Россию в 1992 году, чтобы возглавить московский отдел банка Креди-Суис Ферст Бостон. Теперь он возглавляет одно из главных московских финансовых учреждений по названию Спутник Холдингс.

Финансист является сыном сражавшегося против коммунистов в рядах Русского Корпуса на Балканах во Вторую Мировую войну подпоручика А. Б. Иордана.